

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ
Л. МОСКВА

229

3 ОКТ 1988

ТО ПОЧТИ НЕОБЪЯСНИМО. Но это реально существующий факт. Судите сами. В начале шестидесятых годов выходит собрание сочинений поэта. Пятый том — его письма. Тираж — полмиллиона. Через несколько лет собрание Есенина повторяется. Пятый том — письма. Тираж — вновь полмиллиона. Том писем ни первого, ни второго издания **отдельно** приобрести невозможно. В 1970 году выходит трехтомное собрание поэта. Третий том — письма. Тираж — два миллиона (!). Зайдите в **любой** книжный магазин в любом городе, любом районе страны. Попросите для себя томик писем Есенина. На вас посмотрят с нескрываемым удивлением, как на чужака — пришельца с другой планеты. Те же, кому посчастливилось приобрести томик есенинских писем по подписке, хранят его бережно. С неизменной любовью к поэту. Для этого у них есть все основания. Мир писем Есенина — удивительно чистый, светлый, сердечный мир, по своему неповторимо прекрасный и драматичный. Поражает предельная искренность их автора. Как и в стихах, в письмах нет ни одной фальшивой ноты. Вместе со стихами письма Есенина, бесспорно, один из наиболее полных и достоверных биографических источников жизни, творчества поэта.

«Что касается остальных автобиографических сведений, — они в моих стихах», — писал Есенин в 1925 году. Мы могли бы с полным основанием добавить к этому: и в письмах поэта. «Как нелепа была наша жизнь. Она коверкает нас с колыбели, и вместо действительно истинных людей выходят какие-то уроды. ...Человек! Подумай, что твоя жизнь, когда на пути зловещие раны. Богач, погляди вокруг себя. Стоны и плач заглушают твою радость. Радость там, где у порога не слышны стоны». «Живу ли я, или жил ли я?» — такие задаю себе вопросы после недолгого пробуждения. Я сам не могу придумать, почему это сложилась такая жизнь, именно такая, чтобы жить и не чувствовать себя, то есть своей души и силы, как животное. Я употреблю все меры, чтобы проснуться. Так жить — спать, а после сна на мгновение сознаваться, слишком скверно». «Вопрос о том, изменился ли я в чем-либо, заставил

меня подумать и проанализировать себя. Да, я изменился. Я изменился во взглядах, но убеждения те же и еще глубже засели в глубине души... На людей я стал смотреть тоже иначе...
Все люди — одна душа. Истина должна быть истинной, у нее нет доказательств, и за ней нет границ, ибо она сама альфа и омега. В жизни должно быть искание и стремление, без них смерть и разложение».

Какой богатой, напряженной, мучительно-счастливой духовной, нравственной жизнью должен был жить Человек — автор этого исповедального монолога! Этим человеком был восемнадцатилетний Сергей Есенин.

Мы цитировали его письма к другу юности Грише Панфилову. Все они относятся к 1912—1913 годам. Многие открыли в свое время эти письма. Я рассказал о них впервые в 1955 году в альманахе «Литературная Рязань». После этого пришлось по-иному посмотреть на поэта, особенно его юность, в дни которой формировались его мировоззрение, эстетические взгляды, гражданские идеалы. В «стыковке» с другими фактами, относящимися к жизни поэта в Москве, они разрушили старые представления о Есенине — идеализированном деревенском юноше, влюбленном в патриархальную старину, малообразованном и далеком от истинной культуры, в стихах которого якобы больше религиозных мотивов и образов, чем реальной жизни. Ныне особенно очевидно полная научная несостоятельность, такой, с позволения сказать, «концепции».

Но что было, то было. К какому бы периоду жизни поэта мы ни обратились, мы обнаружим в письмах Есенина исключительно важные сведения для воссоздания действительного образа Есенина — поэта и Человека. Многие, очень многие открывают письма в характере Есенина, его взглядах на писательский труд, литературу, его взаимоотношениях с писателями-современниками, оценки их произведений. Из писем же мы узнаем об общественно-литературной и издательской деятельности Есенина, его поездках по стране, выступлениях перед читателями; отношении поэта к важнейшим политическим событиям, его

К 85-летию со дня рождения великого русского поэта

взглядах на буржуазный Запад, на господствующую там мораль и нравственность.

При обращении к письмам Есенина становятся особенно несостоятельными многие «легенды», созданные в свое время вокруг имени поэта.

Хорошо помню, как в начале шестидесятых, после публикации мной относящегося к августу 1916 года письма Есенина к молодому московскому поэту Николаю Ливкину, удалось окончательно похоронить «легенду» о том, что молодой рязанский поэт далеко не сразу разглядел истинное лицо тех, кто поднял вокруг его имени сенсационный шум в буржуазно-декадентских салонах северной столицы. Оказалось, разглядел, да еще как! Вот что писал Есенин, отвечая на «упрек» Ливкина по поводу публикации в Петрограде одного из своих стихотворений, появившегося до этого в московском журнале.

«Я знал, что перепечатка стихов немного нечестность, но в то время я голодал, как, может быть, никогда, мне приходилось питаться на 2—3 коп. Тогда, когда вдруг около меня поднялся шум, когда Мережковский, гипнисузы и философовы открыли мне свое чистилище и начали трубить обо мне, разве я, ночующий в ночлежке по вокзалам, не мог не перепечатать стихи, уже употребленные? Я был горд в своем скитании, то, что мне предлагали, я отпихивал. Я имел право просто взять любого из них за горло и взять просто сколько мне нужно из их кошельков. Но я презирал их — и с деньгами, и со всем, что в них есть, — и считал поганым прикоснуться до них».

ЕЩЕ БОЛЕЕ ОПРЕДЕЛЕННО о принципиальном расхождении с «питерскими литераторами» Есенин говорит в письме к поэту Александру Ширяеву, в июне 1917 года: «Бог с ними, этими питерскими литераторами, ругаются они, лгут друг на друга, но все-таки они люди, и очень недурные внутри себя люди, а потому так и развивены. Об отношениях их к нам судите нечего, они совсем с нами разные, и

П И С Ь М А С Е Р Г Е Я Е С Е Н И Н А

мне кажется, что сидят гораздо мельче нашей крестьянской купницы... Им нужна Америка, а нам в Жигулях песня да костер Стеньки Разина».

Письма Есенина опровергают начисто и другую «легенду», что круг друзей и знакомых поэта из литературной среды был всегда весьма ограничен и замыкался главным образом на имажинистах и близких к ним литераторах. Читая письма Есенина, видишь, сколь многочисленны и разнообразны были литературные связи поэта, с какими замечательными людьми сводила его судьба. Среди адресатов Есенина известные писатели, художники, журналисты, общественные деятели, издатели, литературные критики, ученые, молодые поэты.

Известно, что Есенин неоднократно встречался с А. М. Горьким. Сохранился автограф письма, адресованного поэтом Горькому.

«Дорогой Алексей Максимович! Помню Вас с последнего раза в Берлине. Думал о Вас часто и много.

В словах, и особенно письменных, можно сказать очень малое. Письма не искусство и не творчество. Я все читал, что Вы присылали Воронскому.

Скажу Вам только одно, что вся Советская Россия всегда думает о Вас, где Вы и как Ваше здоровье. Оно нам очень дорого.

Посылаю Вам стихи, которые написал за последнее время.

И шлю привет от своей жены, которую Вы знали еще девочкой по Ясной Поляне.

Желаю Вам много здоровья, сообщая, что все мы следим и чутко прислушиваемся к каждому Вашему слову.

Любящий Вас Сергей Есенин 19.3/VIII.25, Москва».

Семнадцатого марта 1922 года Сергей Есенин направляет А. В. Луначарскому письмо-заявление следующего содержания:

«Прошу Вашего ходатайства перед Наркоминделом о выдаче мне заграничного паспорта для поездки на трехмесячный срок в Берлин по делу издания книг: своих и примыкающей ко мне группы поэтов, предлагаю свои услуги по выполнению могущих быть на меня возложенных поручений Народного Комиссариата по просвещению. В случае Вашего согласия, прошу снабдить меня соответствующими документами.

Сергей Есенин 1922. марта 17».

Столкнувшись с буржуазной действительностью, нравами капиталистической прессы и современного буржуазного искусства, с нигилистическим и мешанинским бытовым отношением к подлинному реалистическому искусству с его гуманистическим пафосом и прославлением Человека, потрясенный резкой нищетой Запада, — Есенин переживает ружейный перелом в своих взглядах, а главное, по-иному начинает относиться к тому, что происходит на его родине. Об этом Есенин теперь все чаще говорит в своих письмах. Уже в одном из первых писем, отправленных из Висбадена 21 июня 1922 года, Есенин писал И. И. Шнейдеру: «Германия? Об этом поговорим после, когда увидимся, но жизнь не здесь, а у нас. Здесь действительно медленный грустный закат, о котором говорит Шпенглер... Все зашло в тупик».

«Родные мои! Хорошие! — писал Есенин из Дюссельдорфа в Москву А. М. Сахарову 1 июля 1922 года. — Что сказать мне вам об этом ужаснейшем царстве мешанства, которое граничит с идиотизмом! Кроме фокстрота, здесь почти ничего нет. Здесь жрут и пьют, и опять фокстрот. Человека я пока еще не встречал и не знаю, где им пахнет. В страшной моде Господин доллар, а на искусство начихать — самое высшее мюзик-холл...

Пусть мы нищие, пусть у нас голод, холод... зато у нас есть душа, которую здесь за ненадобностью сдали в аренду под смердяковщину».

Через несколько дней в большом письме из Остенде, отправленном Мариенгофу 9 июля 1922 года, Есенин вновь подчеркивает: «Здесь такая тоска, такая бездарнейшая «северанинщина» жизни...» При этом он замечает, что «со стороны внешних впечатлений после нашей разлуки здесь все прибрано и выглажено под утюг. На первых порах особенно твоим взору», — говорит он Мариенгофу, — это понравится бы, а потом, думаю, и ты бы стал хлопать себя по колену и скудить, как собака. Сплошное кладбище. Все эти люди, которые спуют быстрой яшерин, не люди — а мотильные черви, дома их гробы, а материк — склеп. Кто здесь жил, тот давно умер, и помин его только мы, ибо черви помнить не могут». И вновь, как и в предыдущих письмах, — мечта о скорейшем возвращении на родину: «...так хочется мне отсюда, из этой кошмарной Европы, обратно в Россию...» — пишет Есенин и добавляет: — «если я не удеру отсюда через месяц, то это будет большое чудо».

И вновь поэт в своих письмах говорит о родине, об огромных духовных ее богатствах, о тех действительных величайших возможностях, которые открываются для творчества в России.

«Там, из Москвы, — напоминает Есенин Мариенгофу, — нам казалось, что Европа — это самый обширнейший рынок распространения наших идей в поэзии, а теперь отсюда я вижу: Боже мой! до чего прекрасна и богата Россия в этом смысле. Кажется, нет такой страны еще и быть не может».

И еще одно есенинское письмо. На этот раз из Америки.

«Боже мой, лучше было есть глазами дым, плакать от него, но только бы не здесь, не здесь. Все равно при этой культуре «железа и электричества» здесь у каждого полтора фунта грязи в носу». А «в голове у меня, — подчеркивает Есенин, — одна Москва и Москва. Даже стыдно, что так по-чеховски».

И так почти в каждом письме: вновь и вновь возможные раздумья и размышления, вновь и вновь сравнительная и сопоставляющая Запад и Россию, Есенин все больше укрепляется в убеждении, что буржуазный порядок жизни и подлинное искусство несовместимы, что буржуазный строй убивает в человеке человека, обкрадывает, опустошает народ духовно и нравственно. «Только за границей я понял совершенно ясно, — говорил Есенин, — как велика заслуга русской революции, спасшей мир от безнадежного мешанства».

ПИСЬМА Есенина позволяют зримо почувствовать объемность, глобальность творческих замыслов поэта, устремленность его к истине, правде жизни во всем своем творчестве; раскрывают постоянное движение и обновление души поэта, бескомпромиссное отношение его к себе, своим ошибкам и заблуждениям; наконец увидеть конкретно, сколь строг и определен был Есенин в своих суждениях, оценках, касающихся произведений современных писателей.

Особенно характерны кавказские письма Есенина, относящиеся к осени 1924 — весне 1925 гг.

«Только одно во мне сейчас живет. Я чувствую себя просветленным, не надо мне этой глупой шумливой славы, не надо построчного успеха. Я понял, что такое поэзия, — взволнованно сообщал о своем душевном состоянии поэт в письме в Москву из Батуми Г. А. Беннславской в конце 1924 года. — Не говорите мне необдуманных слов, что я перестал отщипывать стихи. Вовсе нет. Наоборот, я сейчас к форме стал еще более требовательнее. Только я пришел к простоте и спокойно говорю: «К чему же? Ведь и так мы голы. Отныне в рифмы буду брать слога. Путь мой, конечно, сейчас очень извилист. Но это прорыв... ведь я почти 2 года ничего не писал, когда был за границей. Как Вам нравится «Письмо к женщине»? У меня есть вещи еще лучше. Мне скучно здесь. Без Вас, без Шуры и Кати, без друзей. Идет дождь гропический, стучит по стеклам. Я один. Вот и пишу, и пишу».

И так почти в каждом письме: вновь и вновь возможные раздумья и размышления, вновь и вновь сравнительная и сопоставляющая Запад и Россию, Есенин все больше укрепляется в убеждении, что буржуазный порядок жизни и подлинное искусство несовместимы, что буржуазный строй убивает в человеке человека, обкрадывает, опустошает народ духовно и нравственно. «Только за границей я понял совершенно ясно, — говорил Есенин, — как велика заслуга русской революции, спасшей мир от безнадежного мешанства».

ПИСЬМА Есенина позволяют зримо почувствовать объемность, глобальность творческих замыслов поэта, устремленность его к истине, правде жизни во всем своем творчестве; раскрывают постоянное движение и обновление души поэта, бескомпромиссное отношение его к себе, своим ошибкам и заблуждениям; наконец увидеть конкретно, сколь строг и определен был Есенин в своих суждениях, оценках, касающихся произведений современных писателей.

Особенно характерны кавказские письма Есенина, относящиеся к осени 1924 — весне 1925 гг.

«Только одно во мне сейчас живет. Я чувствую себя просветленным, не надо мне этой глупой шумливой славы, не надо построчного успеха. Я понял, что такое поэзия, — взволнованно сообщал о своем душевном состоянии поэт в письме в Москву из Батуми Г. А. Беннславской в конце 1924 года. — Не говорите мне необдуманных слов, что я перестал отщипывать стихи. Вовсе нет. Наоборот, я сейчас к форме стал еще более требовательнее. Только я пришел к простоте и спокойно говорю: «К чему же? Ведь и так мы голы. Отныне в рифмы буду брать слога. Путь мой, конечно, сейчас очень извилист. Но это прорыв... ведь я почти 2 года ничего не писал, когда был за границей. Как Вам нравится «Письмо к женщине»? У меня есть вещи еще лучше. Мне скучно здесь. Без Вас, без Шуры и Кати, без друзей. Идет дождь гропический, стучит по стеклам. Я один. Вот и пишу, и пишу».

И так почти в каждом письме: вновь и вновь возможные раздумья и размышления, вновь и вновь сравнительная и сопоставляющая Запад и Россию, Есенин все больше укрепляется в убеждении, что буржуазный порядок жизни и подлинное искусство несовместимы, что буржуазный строй убивает в человеке человека, обкрадывает, опустошает народ духовно и нравственно. «Только за границей я понял совершенно ясно, — говорил Есенин, — как велика заслуга русской революции, спасшей мир от безнадежного мешанства».

ПИСЬМА Есенина позволяют зримо почувствовать объемность, глобальность творческих замыслов поэта, устремленность его к истине, правде жизни во всем своем творчестве; раскрывают постоянное движение и обновление души поэта, бескомпромиссное отношение его к себе, своим ошибкам и заблуждениям; наконец увидеть конкретно, сколь строг и определен был Есенин в своих суждениях, оценках, касающихся произведений современных писателей.

Особенно характерны кавказские письма Есенина, относящиеся к осени 1924 — весне 1925 гг.

«Только одно во мне сейчас живет. Я чувствую себя просветленным, не надо мне этой глупой шумливой славы, не надо построчного успеха. Я понял, что такое поэзия, — взволнованно сообщал о своем душевном состоянии поэт в письме в Москву из Батуми Г. А. Беннславской в конце 1924 года. — Не говорите мне необдуманных слов, что я перестал отщипывать стихи. Вовсе нет. Наоборот, я сейчас к форме стал еще более требовательнее. Только я пришел к простоте и спокойно говорю: «К чему же? Ведь и так мы голы. Отныне в рифмы буду брать слога. Путь мой, конечно, сейчас очень извилист. Но это прорыв... ведь я почти 2 года ничего не писал, когда был за границей. Как Вам нравится «Письмо к женщине»? У меня есть вещи еще лучше. Мне скучно здесь. Без Вас, без Шуры и Кати, без друзей. Идет дождь гропический, стучит по стеклам. Я один. Вот и пишу, и пишу».

И так почти в каждом письме: вновь и вновь возможные раздумья и размышления, вновь и вновь сравнительная и сопоставляющая Запад и Россию, Есенин все больше укрепляется в убеждении, что буржуазный порядок жизни и подлинное искусство несовместимы, что буржуазный строй убивает в человеке человека, обкрадывает, опустошает народ духовно и нравственно. «Только за границей я понял совершенно ясно, — говорил Есенин, — как велика заслуга русской революции, спасшей мир от безнадежного мешанства».

И так почти в каждом письме: вновь и вновь возможные раздумья и размышления, вновь и вновь сравнительная и сопоставляющая Запад и Россию, Есенин все больше укрепляется в убеждении, что буржуазный порядок жизни и подлинное искусство несовместимы, что буржуазный строй убивает в человеке человека, обкрадывает, опустошает народ духовно и нравственно. «Только за границей я понял совершенно ясно, — говорил Есенин, — как велика заслуга русской революции, спасшей мир от безнадежного мешанства».

ПИСЬМА Есенина позволяют зримо почувствовать объемность, глобальность творческих замыслов поэта, устремленность его к истине, правде жизни во всем своем творчестве; раскрывают постоянное движение и обновление души поэта, бескомпромиссное отношение его к себе, своим ошибкам и заблуждениям; наконец увидеть конкретно, сколь строг и определен был Есенин в своих суждениях, оценках, касающихся произведений современных писателей.

Особенно характерны кавказские письма Есенина, относящиеся к осени 1924 — весне 1925 гг.

«Только одно во мне сейчас живет. Я чувствую себя просветленным, не надо мне этой глупой шумливой славы, не надо построчного успеха. Я понял, что такое поэзия, — взволнованно сообщал о своем душевном состоянии поэт в письме в Москву из Батуми Г. А. Беннславской в конце 1924 года. — Не говорите мне необдуманных слов, что я перестал отщипывать стихи. Вовсе нет. Наоборот, я сейчас к форме стал еще более требовательнее. Только я пришел к простоте и спокойно говорю: «К чему же? Ведь и так мы голы. Отныне в рифмы буду брать слога. Путь мой, конечно, сейчас очень извилист. Но это прорыв... ведь я почти 2 года ничего не писал, когда был за границей. Как Вам нравится «Письмо к женщине»? У меня есть вещи еще лучше. Мне скучно здесь. Без Вас, без Шуры и Кати, без друзей. Идет дождь гропический, стучит по стеклам. Я один. Вот и пишу, и пишу».

И так почти в каждом письме: вновь и вновь возможные раздумья и размышления, вновь и вновь сравнительная и сопоставляющая Запад и Россию, Есенин все больше укрепляется в убеждении, что буржуазный порядок жизни и подлинное искусство несовместимы, что буржуазный строй убивает в человеке человека, обкрадывает, опустошает народ духовно и нравственно. «Только за границей я понял совершенно ясно, — говорил Есенин, — как велика заслуга русской революции, спасшей мир от безнадежного мешанства».

ПИСЬМА Есенина позволяют зримо почувствовать объемность, глобальность творческих замыслов поэта, устремленность его к истине, правде жизни во всем своем творчестве; раскрывают постоянное движение и обновление души поэта, бескомпромиссное отношение его к себе, своим ошибкам и заблуждениям; наконец увидеть конкретно, сколь строг и определен был Есенин в своих суждениях, оценках, касающихся произведений современных писателей.

Особенно характерны кавказские письма Есенина, относящиеся к осени 1924 — весне 1925 гг.

«Только одно во мне сейчас живет. Я чувствую себя просветленным, не надо мне этой глупой шумливой славы, не надо построчного успеха. Я понял, что такое поэзия, — взволнованно сообщал о своем душевном состоянии поэт в письме в Москву из Батуми Г. А. Беннславской в конце 1924 года. — Не говорите мне необдуманных слов, что я перестал отщипывать стихи. Вовсе нет. Наоборот, я сейчас к форме стал еще более требовательнее. Только я пришел к простоте и спокойно говорю: «К чему же? Ведь и так мы голы. Отныне в рифмы буду брать слога. Путь мой, конечно, сейчас очень извилист. Но это прорыв... ведь я почти 2 года ничего не писал, когда был за границей. Как Вам нравится «Письмо к женщине»? У меня есть вещи еще лучше. Мне скучно здесь. Без Вас, без Шуры и Кати, без друзей. Идет дождь гропический, стучит по стеклам. Я один. Вот и пишу, и пишу».

И так почти в каждом письме: вновь и вновь возможные раздумья и размышления, вновь и вновь сравнительная и сопоставляющая Запад и Россию, Есенин все больше укрепляется в убеждении, что буржуазный порядок жизни и подлинное искусство несовместимы, что буржуазный строй убивает в человеке человека, обкрадывает, опустошает народ духовно и нравственно. «Только за границей я понял совершенно ясно, — говорил Есенин, — как велика заслуга русской революции, спасшей мир от безнадежного мешанства».

ПИСЬМА Есенина позволяют зримо почувствовать объемность, глобальность творческих замыслов поэта, устремленность его к истине, правде жизни во всем своем творчестве; раскрывают постоянное движение и обновление души поэта, бескомпромиссное отношение его к себе, своим ошибкам и заблуждениям; наконец увидеть конкретно, сколь строг и определен был Есенин в своих суждениях, оценках, касающихся произведений современных писателей.

Особенно характерны кавказские письма Есенина, относящиеся к осени 1924 — весне 1925 гг.

«Только одно во мне сейчас живет. Я чувствую себя просветленным, не надо мне этой глупой шумливой славы, не надо построчного успеха. Я понял, что такое поэзия, — взволнованно сообщал о своем душевном состоянии поэт в письме в Москву из Батуми Г. А. Беннславской в конце 1924 года. — Не говорите мне необдуманных слов, что я перестал отщипывать стихи. Вовсе нет. Наоборот, я сейчас к форме стал еще более требовательнее. Только я пришел к простоте и спокойно говорю: «К чему же? Ведь и так мы голы. Отныне в рифмы буду брать слога. Путь мой, конечно, сейчас очень извилист. Но это прорыв... ведь я почти 2 года ничего не писал, когда был за границей. Как Вам нравится «Письмо к женщине»? У меня есть вещи еще лучше. Мне скучно здесь. Без Вас, без Шуры и Кати, без друзей. Идет дождь гропический, стучит по стеклам. Я один. Вот и пишу, и пишу».

И так почти в каждом письме: вновь и вновь возможные раздумья и размышления, вновь и вновь сравнительная и сопоставляющая Запад и Россию, Есенин все больше укрепляется в убеждении, что буржуазный порядок жизни и подлинное искусство несовместимы, что буржуазный строй убивает в человеке человека, обкрадывает, опустошает народ духовно и нравственно. «Только за границей я понял совершенно ясно, — говорил Есенин, — как велика заслуга русской революции, спасшей мир от безнадежного мешанства».

И так почти в каждом письме: вновь и вновь возможные раздумья и размышления, вновь и вновь сравнительная и сопоставляющая Запад и Россию, Есенин все больше укрепляется в убеждении, что буржуазный порядок жизни и подлинное искусство несовместимы, что буржуазный строй убивает в человеке человека, обкрадывает, опустошает народ духовно и нравственно. «Только за границей я понял совершенно ясно, — говорил Есенин, — как велика заслуга русской революции, спасшей мир от безнадежного мешанства».

шу... Я скоро завалю Вас материалами. Так много и легко пишется в жизни очень редко.

Это просто потому, что я один и сосредоточен в себе. Говорят, я очень похорошел. Вероятно, оттого, что я что-то увидел и успокоился...

Назло всем не буду пить, как раньше. Буду молчалив и корректен... Уж очень мне не нравится, как все обо мне думают...

Весной, когда приеду, я уже не буду никого подпускать к себе близко. Боже мой, какой я был дурак... Все это было прощание с молодостью. Теперь будет не так».

«Работа и скоро пришло Вам поэму, по-моему, лучше всего, что я написал. Сейчас же посылаю «Цветы», — сообщает Есенин П. И. Чагину 14 декабря 1924 г. из Батуми.

В Баку, Тифлисе, Батуми Есенин впервые публикует двадцать семь своих новых произведений. Все это — за полгода! Создать в такие сжатые сроки такие поистине классические произведения мог только гениальный художник. Кавказ стал подлинной Болдинской осенью Есенина. И как хорошо, что до наших дней дошли и сохранились живые, яркие, самобытные по языку, по форме и стилю Кавказские письма поэта.

Есенин не предназначал свои письма для публикации. Более того, он неоднократно подчеркивал, что не любит писать письма. «Все-таки лучше, когда видишь человека, лучше говорить с ним устами, глазами и вообще всем существом, чем выводить эти ограничивающие буквы», — замечает Есенин в одном из своих писем. Однако случалось и так, что вдали от «родимого края», возникала потребность душевного общения словом с людьми, дорогими тебе и близкими. Отсюда наполненные «чувством родины» заграничные письма, отсюда и многие кавказские послания поэта. И еще: зачастую, в силу различного рода обстоятельств, надо было срочно написать и побыстрее от-

править «сухое» деловое письмо по поводу издания новых стихов, книг, очередных литературных выступлений и встреч, денежной и иной материальной помощи родным.

Среди писем Есенина, помещенных в шестом томе его нового собрания, всего лишь одно краткое письмо к матери — Татьяне Федоровне да несколько столь же кратких и деловых писем к старшей из сестер — Екатерине Александровне.

Исходя из этих «фактов», можно предположить, что Есенин был недостаточно внимателен и отзывчив в письмах к самым родным и близким ему людям. Однако подобные суждения лишены оснований. Нельзя забывать об исповедальных письмах-стихах поэта, носящих открыто автобиографический, личный характер, таких, как «Письмо к матери», «Ответ», «Письмо к деду», «Письмо к сестре», «Письмо к женщине» и другие.

Из исповедальных писем-стихов поэта мы узнаем: какие серьезные драматические события в недавнем прошлом пережили его лирический герой, а значит, в той или иной степени и он сам; узнаем как, порой, трудно и сложно складывалась городская жизнь сына земли рязанской; что особенно волнует его теперь и почему он ныне при всей его любви к «рязанским раздольям» не может вернуться в родное село:

Старушка милая,
Живи, ты как живешь.
Я нежно чувствую
Твою любовь и память.
Но только ты
Ни капли не поймешь —
Чем я живу
И чем я в мире занят!

Все чаще видится поэту теперь, в дальних даях его памяти, одинокая скорбная материнская фигура на дороге, за околицей села, волнующая до спазмы в горле:

Ничего, родная! Успокойся.
Это только тягостная бредь.
Не такой уж горький я пропойца,
Чтб, тебя не вида, умереть...

И молиться не учи меня. Не надо!
К старому возврата больше нет.
Ты одна мне помощь и отрада,
Ты одна мне несказанный свет.
Именно в такие вершинные часы жизни открыва-

ется перед матерью, и только перед ней, ее сын в самом для него святом и сокровенном:

Я более всего
Всему люблю.
Люблю разлил
Стремительным потоком,
Где каждой щепке,
Словно кораблю,
Такой простор.
Что не окинешь оном.
Но ту весну,
Которую люблю,
Я революцией великой
Называю!

И лишь о ней
Страдаю и скорблю,
Ее одну
Я жду и призываю!

Есенин остро чувствовал свет и тени своего времени; суровый драматизм и накал борьбы нового со старым, особенно в русской деревне; противоречивость взаимоотношений этой деревни с городом, доставшихся революции в наследство от старого мира.

Любовь к весне-жизни, весне-революции, надежды на добрые перемены, которые вопреки всем «трагедиям века» открыла миру Россия, помогала поэту проводить за «гримасами» эпохи суть великих исторических событий и оставаться в годы революции «всецело на стороне Октября».

С каждым годом, и особенно с каждым новым собранием сочинений поэта, становится известным все большее количество его писем. Достаточно сказать: в шестом томе, завершеном в 1980 году издательством «Художественная литература», наиболее полное собрание Есенина, напечатано 233 письма поэта, включая его письма-доверенности и заявления. В предыдущем собрании их было всего 139 (!!!).

Несомненно, что теперь, после такой полной публикации писем Есенина в новом его «собрании», и читатели, и исследователи поэта проявят еще более настойчивый интерес к этой уникальнейшей и своеобразной части его литературного наследия.

Письма Есенина — это как роман его жизни, где каждое слово правды и только — правды. В письмах Есенина зримо встает перед нами Личность поэта, его Время, его Эпоха

Юрий ПРОКУШЕВ.